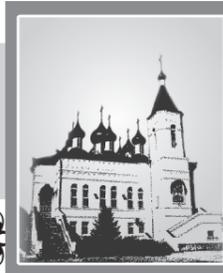

ПОКРОВСКИЙ ЛИСТ

Жестокость мира, она от демонов. Разврат мира, он от того, что весь человек стал плотью, и только плоть. И радость мира – шумная и надрывная радость, от которой тяжело, как с похмелья, – это лишь декорация. Это аналог репродукции картины на стене, висящей только для того, чтобы закрыть дыру в обоях.

Слово пастыря

Для начала, мир пуст. После грехопадения он пуст, как барабан; пуст, как опустошенный вором кошелек. Оттуда, из чрева пустоты, выползает та самая медленная и звенящая тоска, с которой если кто не знает, то не сможет понять и ощутить сердцем, чему можно радоваться в Рождество.

Пустой мир и человек, сдувшийся как шарик. И если надо дальше жить, даже если и не хочется, но придется, то нужно развеселить себя чем-то. Пустота – от грехопадения. Суетный шум – от невозможности сидеть на месте и в тишине. Разврат – от погасания духа, от тотальной власти плоти и невозможности этой власти сопротивляться. А уже злоба – от демонов. В особенности – лукавая злоба, в которой улыбаются и держат паузу, в которой вынашивают замысел и строят планы. В которой жестокость не порывистая, а осмысленная, санкционированная, идеологическая.

Что еще есть вокруг, что ускользнуло из списка? Кого не назвали? Вот на эту землю, попадающую под описание, и пришел Христос. На развратную от отчаяния землю пришел Сын Девы, не имевший в Себе греха. На поглупевшую землю пришла Премудрость Божия. Туда, где пустота, пришел Тот, в Котором полнота. И поскольку земля

из-за демонов стала лукава и жестока, милосердного Христа ждали на земле сети словесных уловок, крики распинателей и плетки солдат претории. Он это знал и все же Он пришел. Не отрекся. Не отказался. Прими благодарный поклон, Спаситель мой и Благодетель.

Мы празднуем Рождество, господи! Рождество, говорю, празднуем, товарищи! Братья и сестры, мадам и месье, Воплощение Сына Божия торжествуем! Нам праздники даны не для воспоминаний о событиях, а для сердечного участия в них

– в этих самых празднуемых событиях. По замыслу и в идеале, мы не «вспоминаем» и едим, а соучаствуем и веселимся. И если праздник способен приобрести человека к радости пастухов, слышавших Ангельский хор, и волхвов, принесших дары, то Рождество способно заострить также и ту тоску дохристианского мира, от которой в томлении издыхало человечество. (Не издыхает ли оно вновь, только уже не как ждущее Искупителя, а как отрешившее от Него, и следователя, более виновное?)

Предпраздничная тоска. Непонятная пустота, день за днем сосущая сердце. Смутное недовольство всем вообще и ничем конкретно. Шуба не греет, покупка не тешит, анекдот не смешит. Новости страшат, разговоры утомляют. Знакомо? Если нет, то чему вы радуетесь в Рождество? Книжке нужен переплет и картине – рама. Так для радости нужен печальный контраст, потому что и сама радость – это ответ Бога на печаль мира. Конкретный ответ на конкретную печаль.

Речь не о личной печали, которая у всех своя, а о печали вселенской, которой дышат все без исключения. И благодать, та, что обрезает не крайнюю плоть, но сердце, делает человека внутренне чувствительным не только к движениям Духа, но и к тонкой печали века сего.

Эта печаль погибающего человечества, печаль мало кем осознанная, но несомненная, свела с Небес Сына Божия. Это Он сжалился на нашу бедность, на наше угасание, на наше бесплодное ползание в пыли. Он ведь с Отцом и Духом не для того нас создал, чтобы мы жили вот так, как живем обычно.

Пропасть лежит между тем, какими мы быть должны, и какими стали. И дело нужно было исправить, но не человеческой рукой. Слаба она. Дело нужно было исправить рукой Божественной. Рукой, на первых порах – младенческой. Это и есть Рождество.

Чувствуя странную, нездешнюю радость от того, что Он пришел, мы вполне обязаны обрезанным сердцем чувствовать и вкус той трагедии, которая привела к Воплощению, а затем к Крестному Страданию Иисуса и Его воскресению. Нечувствие радости есть точный диагноз неверия. И излишний праздничный шум – это лишь звуковая завеса. Рождество тишины хочет. Тишины и простоты. Тишины, простоты и слез. Слез в тишине и радостного ужаса.

Ужас прогоняет тоску и приносит смысл. Ибо если и есть что-то подлинно ужасное (в смысле не бытовом, но библейском), то это Истина, завитая в пеленки, которую вдруг распеленали.

Говорить можно много, и если разговорился, то уже и хочется. Но надо ли? Что скажет человек, когда Ангелы поют, да и не в одиночку, но хором! Такое привычное, но совершенно неизвестное празднование. Морозное, елочное, в шарах и лентах, измучившее приближением, оглушающее приходом. Рождество пришло. Пришло Рождество. Пришло...

Протоиерей Андрей Ткачев

«Рождество Христово – пришел на землю Тот, Кто в начале создал нас из земли и вдунул божественное дыхание Свое в нас; пришел дающий всем живот и дыхание и вся [Деян. 17, 25]; пришел Тот, Кто единым словом призвал из небытия в бытие все видимое и невидимое, – Кто словом повелел быть птицам, рыбам, четвероногим животным, насекомым, всякому созданию, существующему под Его всемогущим промыслом и хранением; пришел Тот, Кому непрестанно со страхом и радостью служат бесчисленные воинства Ангелов. И в каком унижении! Рождается от бедной Девы, в вертепе, пеленается убогими пеленами, полагается в яслях! Богатство, знатность, слава мира сего! Пади, припади со смирением, умилением слезным и глубокою благодарностью к Спасителю человеков и разделяй богатство свое с неимущими и бедными, не гордись своею призрачною, скороисчезающею знатностью: истинная знатность только у добродетели. Слава мира сего! Познай здесь, у яслей, свою суету. Итак все смиришь, все пади в прах пред безмерным смирением и истощанием Владыки всех, Бога, пришедшего уврачевать наши немощи, спасти нас от гордости, суетности, от тления, от всякой скверны греховной» (Прав. Иоанн Кронштадтский, 1829-1908).

Душеполезные поучения

«Чем сильнее любовь, тем больше стремление доказать ее, а доказать бескорыстную любовь можно только жертвой, и как истинная любовь не имеет предела, так не имеет предела и жажда жертвы, как проявление любви. Кто любит Бога, тот захочет страдать ради Бога, и по мере роста любви будет возрастать желание все перенести, лишь бы не удалился от нас Господь, лишь бы быть ближе к Нему. А не любить Господа нельзя, если приблизимся к Нему, вернее, если Он к нам приблизится» (Игумен Никон (Воробьев), 1894-1963).

«Где легче молиться? Когда отца Василия (Рослякова) спросили, где легче молиться – в церкви или в келье, он ответил: «Я не знаю, кому как. Но говорят, что в церкви, как на корабле, – другие гребут. А в келье – как в лодке: сел на весла и будь добр, греб. Хватит ли сил?»

«Дар слез Схимонах Никодим, афонский подвижник XIX века, получил от Бога великий дар слез: он мог плакать по своему желанию столько, сколько хотел. Его духовник, заметив у него такую добродетель, спросил: «Давно ли ты имеешь этот дар?» – «Два года с половиной», – ответил схимонах Никодим, – с того времени, как я после беседы с тобой об этом даровании Божиим сделал тебе поклон и испросил у тебя благословения искать этот дар Божий. А до того времени я три года с трудом понуждал себя к ежедневным слезам».

«На это признание духовник сказал ему: «Ты получил этот дар за послушание, а не за твои заслуги. Знай, что всякий дар Божий сохраняется смирением. Берегись от возношения, не осуждай никого и постоянно укоряй себя. Другие тоже имеют этот дар, но считают себя хуже всех».

«Дающий нищему В Константинополе жил один нищелюбивый человек. По улицам за ним всегда шли бедняки, и он никому не отказывал. Однажды его спросили, почему он так милостив. И он рассказал следующее: «Мне было 10 лет. Я в церкви услышал проповедь священника, в которой он говорил, что дающий нищему – дает в руки Самого Христа. Я не поверил, шел домой и размышлял. И вдруг увидел на пути нищего в рубище, а над ним лик Спасителя. Подает нищему какой-то добрый человек хлеб, но в эту минуту, как он протягивал руку, образ Спасителя простирает к дающему свои руки и принимая хлеб, благословляет милостивого человека. Увидев это, я уверовал, что дающий нищему – дает Самому Христу. И до сего дня вижу лик Христа над головами нищих и с любовью спешу подать им по силе возможности».

«От себя не убежишь Один монах жил в египетской пустыне. И так его измучили соблазнами, что он решил отказаться от монашеской жизни и пойти, куда глаза глядят. Но, натягивая сандалии, он вдруг увидел другого инока, который также стал торопливо обуваться. – Ты кто? – спросил монах незнакомца. – Твое собственное «я», – услышал он в ответ. – Куда бы ты ни отправился, я все равно последую за тобой...»

На вечерней службе (лития, полиелей...) и на празднике Воздвижения Животворящего Креста Господня (на Воздвижении) многократно произносятся прошения «Господи, помилуй!» Соответственно 40, 50, 12, 100 раз. С чем связаны именно эти числа?

Вопросы священнику

40 лет символизируют земную жизнь, так как это условный срок одного поколения. 40 лет путешествовал израильский народ в пустыне, в течение которых умерло старшее поколение израильтян и новое, родившееся в пустыне, вошло в обетованную землю. 40 суток постился Господь в пустыне, 40 дней продолжается святая Четыредесятница. 5 – символ человека. 50 означает некую множественность людей. 12 – символ Церкви: 12 сыновей Иакова – родоначальники 12 коллен Израиля и представители Ветхозаветной Церкви, 12 учеников Христа – представители Новозаветной Церкви. 10 – символ полноты; 10x10 – символ законченности и совершенства.

Что делать, если взрослые сын и дочь отказываются идти в церковь и соблюдать пост? С детства всегда ходили вместе и причащались...

В вопросах веры не надо применять насилия. Наберитесь терпения. Духовная жизнь людей бывает редко похожа на прямую дорогу, чаще она идет зигзагами. Духовный фундамент, заложенный в детстве, сохраняется всю жизнь. Поэтому молитесь и надейтесь, что дети со временем, пройдя нелегкий опыт жизни, снова возвратятся к Церкви.

Господь всемогущ и всеведущ. Он знает, что было, что есть и что будет. И это Господь создал души человеческие, которые «поселил» потом в тела. Получается, Он сам наделил людей всеми пороками и искушениями. А поскольку Бог всеведущ, Он уже в основной момент создания души знал, что с этим человеком будет. Получается, что Господь создал порочную душу и Сам обрек ее на вечные страдания в аду. Но Господь милосерден, тогда зачем ему создавать грешников?

В вашем вопросе содержится принципиально важная ошибка. Вы считаете, что Бог сначала создал души людей, а потом посылает их в тела. Это одна из ересей Оригена, называемая «предсуществованием душ». На самом деле, душа творится Богом в момент зачатия, при соединении мужского и женского начал. Мужское семя является главным фактором

оплодотворения и передачи адамова греха; женское – материалом, но не пассивным, а активным материалом, участвующим в формировании человека. Душа едина и монолитна. Бог творит бессмертную сущность души, ее субстанцию, а через генетический код человек получает акцидентальные свойства и качества (те, которых могло не быть, от которых не зависит субстанция с ее атрибутами). Грех представляет собой акциденцию; но по закону рождения и преемственности он стал фактом и трагической реальностью для человечества. Если бы Бог творил человеческую душу без участия родителей, то человеческий род перестал бы быть генетически единым, а каждое рождение стало бы автономным, изолированным творением – выпавшим из цепи звеном. Если бы человеческую душу творили бы только родители по программе, запечатленной в генетических кодах, то тогда человек был бы слепком своих родителей, обусловленным наследственностью, а не новой, уникальной личностью. Человечество – множество во единстве и единство во множественности. Единство человеческого рода в хроносе осуществляется через передачу эстафеты жизни от родителей детям, от одного поколения другому. Вам кажется несправедливым нести ответственность за грехи праотцев и вследствие этого необходимость духовной борьбы с грехом. Но Бог не оставил нас беспомощными. Он дал нам возможность побеждать грех через благодать, и великие обетования, которые намного превышают все наши труды и все тяготы земной жизни. Чтобы уничтожить грех другим путем – надо уничтожить само человечество. Упрекая Бога за создание порочной души, вы тем самым требуете жестокую селекцию по отношению к грешникам со стороны Бога; но тогда погиб бы весь мир, пораженный грехом, и вместе с ним – мы с вами. Вы хотите, чтобы грех не передавался из поколения в поколение, но тогда по справедливости не могли бы передаваться благословения, которые были даны нашим праотцам, и обетования, которых вы не достойны. Если отказываетесь от адамова греха, тогда откажитесь и от Христа, Который искупил нас. Если взываете к закону справедливости («почему я должен нести грех предков»), тогда откажитесь и от вечной жизни и рая: ведь по справедливости мы тоже не заслуживаем их ни своей жизнью, ни своими трудами...

Архимандрит Рафаил (Карелин)

«Райские хутора» и другие рассказы священника Ярослава Шилова

Продолжение. Начало в № 20 (308)

Потом очнулся председатель колхоза:

– Кто мог засунуть ее туда?..

– Она сама, – прошептал шофер, морща лоб от мыслительного напряжения, – когда мы у магазина останавливались... неверное...

– И чего? – не понял председатель.

– Изнутри, то есть снизу, залезла погреться, – увереннее продолжил шофер, – а потом мы поехали, спрыгнуть она испугалась и пристроилась вот тут...

– Часа четыре каталась? – прикинул председатель.

– Около того, – подтвердил шофер.

Теперь наконец мы пришли в себя и рассмеялись – до всхлипований и слез.

– Все это – не просто так, – сказал председатель, – они ведь сроду не проверяли номер двигателя, да и сейчас этот номер никому даром не нужен, и вдруг...

– Не иначе, сами силы небесные пожалели кошконку, – предположил водитель.

– Но тогда, – задумался председатель, – и под капот ее записали тоже они?.. Для каких, интересно, целей?..

Кто может ответить на такой вопрос?.. Мы садимся в машину и отправляемся в дальнейший путь.

Случай этот, сколь нелепый, столь и смешной, вскоре забылся по причине своей незначительности. Однако года через два или три он получил неожиданное продолжение. На сей раз дело происходило летом.

Привезли меня в далекую деревеньку, к тяжко болящей старушечки. Жила бедолага одна, никаких родственников поблизости не осталось. Впрочем, над койкой на прокопченных обоях были записаны карандашом два городских адреса: сына и дочери, – но, как объяснила мне фельдшерка, адреса эти то ли неправильные, то ли устарели, а бабкины дети не наблюдались в деревне уже много лет, и вообще неизвестно – живы ли они сами. Фельдшерка эта в силу своей милосердной профессии или от природной доброты христианской души, а может – и по двум этим причинам сразу, не оставляла болящей, но терпеливо ухаживала за ней.

– Как я боялась, что не успеем, – сказала фельдшерка, когда соборование завершилось. – Она ведь три дня назад умирала уже! Я – к телефону, позвонила вашей почтарке, а та говорит, что вы на дальнем приходе и вернетесь неизвестно когда. Я – звонить на тот приход, там говорят: вы только-только уехали... Ну, думаю, неужели бабулька моя помрет без покаяния? Она так хотела, так Бога молила, чтобы сподобил ее причаститься и пособороваться!.. Досидела с ней до самого вечера, а потом побежала домой – надо ж хоть поесть приготовить... За коровой-то у меня сноха ходит – с коровой-то у меня заботушки нет, а вот мужа надо обихаживать да и младшего – нынче в девятый класс пойдет... Наварила супу, картошки и перед сном решила снова бабульку проверить. Прихожу, а она не спит. И рассказывает: «Я, – говорит, – померла уже»... Да-да, прям так и говорит. Мол, сердце во сне очень сильно болело, а потом боль прошла и хорошо-хорошо стало... «И вдруг, – говорит, – чтой-то стало губы и нос щекотать. И тут, – говорит, – все это хоршее исчезло, и опять боль началась». Ну, она от щекотки проснулась, а на груди у нее кошка лежит и усамы своими ее щекочет: кошки, они ведь к носу принохиваются, не то что собаки, извиняюсь, конечно. Видно, кошечка почувала в бабкином дыхании нездоровье какое-то и принохалась, а усамы вызвала раздражение – вот бабка и проснулась. А коли проснулась – лекарство приняла. Так и выжила. Ну, я с утра машину искать, чтобы, значит, послать за вами. Никто не дает... Потом сельповских уговорила... Так что только благодаря кошке бабулька вас и дождалась...

Выходя на крыльцо, чуть не наступил на небольшую кошконку, шмыгнувшую в избу: рыжие, белые и черные лоскутки напомнили мне о случае на зимней дороге. Я поинтересовался, откуда взялась эта кошечка – не прилюдная ли.

– Да кто ж ее знает? – отвечала фельдшерка без интереса. – Это ж не корова, даже не поросенок: взялась – и взялась откуда-то.

то, может, и прибудилась...

– А сколько от вас до города?

– Двести пятьдесят километров – автобус идет четыре часа...

Вернувшись, я рассказал об этом председателю и его шоферу. Они покачали головами и не проронили ни слова.

Старшой

Отправляя меня к месту службы, архиерей предупредил, что в районе том есть угол, заселенный старообрядцами. При этом он ссылаясь на миссионерский отчет столетней давности – более свежих известий в наличии не было.

Я принял наставление с подобающей случаю ответственностью и терпеливо ожидал противоборства. И его час пришел. Однако сущность этого противоборства оказалась столь неожиданной и невероятной, что поначалу я воспринимал его как нечто не вполне реальное: как бред, анекдот или сон. Ну действительно, мыслимо ли дело: людей, причисляющих себя к ревнителям старого обряда, приходилось чуть не силком к обряду этому и подталкивать... А беда была в том, что «эти люди, остававшиеся, – как утверждал миссионер, – в семнадцатом веке», успели уже из достопамятного века выпасть и обрушились в доисторическое безвременье. О чем, к прискорбию, даже и не подозревали. Но по порядку.

Всякое доброе дело, известно, должно начинаться с молитвы. На подступах к заповедному уголку был разоренный храм: крыша дырявая, стекол нет, пол прогнивший... Начали в нем служить. И дождем нас через высоченные оконные проемы заливало, и снегом заваливало. В мороз рядом с храмом разводили костер – погреться, а то можно было оконечить до серьезных последствий. Я в этом острей и ботинки сжег, и сапоги – от замерзания всякую чувствительность утратил. Пока, к примеру, служишь водосвятный молебен, вода в бачке заледеневаает, и, прежде чем погружать в нее крест, приходится разбивать им ледяную поверхность. За святой водой народ приходил с банками: бутылки для этой цели здесь не годились – льдинки в горлышки не пролазят.

Черед восстановления прост: крыша, двери, окна, пол, отопление. Стали собирать капитал на кровельные работы. Скопили, наняли в колхозе бригаду, которая подлатала дырявую крышу. Потом застеклили окна. А на все остальное у поиздержавшихся прихожан средств не хватало. Пришлось знакомиться с местными руководителями, а попутно и с прочим народом, в церкви не появляющимся. И вот тут-то «прочий народ» стал проявлять противоборство, неожиданный смысл которого действовал на меня ошеломляюще...

Однажды попадаю я без приглашения на похороны – в том углу меня никто никогда не приглашал ни отпевать, ни крестить: говорили, что сами справляются. А тут мы с председателем колхоза ездили как-то на пилораму по поводу досок для церковного пола и в какой-то деревне угодили на похороны. Стою я тихохонько в коридорчике и слушаю самостоятельное отпевание. Прочитали по рукописной тетрадке семнадцатую кафизму – псалмы, которые и подобает читать при заупокойных богослужениях, а потом началось нечто невообразимое: по той же тетрадке стали читаться заклинания, обращенные к солнцу, ветру, дождю, огню и деревьям... Когда гроб выносили на улицу, одна из бабулек с грохотом опрокинула стол, на котором до сей поры располагалась сосновая домовина, перевернула табуретки и трижды изо всех сил хлопнула дверью.

Я поинтересовался, что все это должно означать.

– Это по-нашему, по-старинному.

Потом на кладбище другая уже бабулька вдове за шиворот ледяной земли сыпанула. И опять мне сказали, что это «по-нашему, по-старинному». После похорон «старинные» обступили меня и стали расспрашивать, все ли хорошо они делают.

– Гражданочки дорогие, – говорю, – где ж вы этих безумных песнопений-то понабрались?

– Что-то, – отвечаю, – сами из газет и журналов переписываем, а что-то нам дает наш старшой.

– За стол, дверь, табуретки и прочие такие дела, – говорю, – старообрядцы поставили бы вас на поклоны до конца ваших сумеречных дней. «А молитвы» эти – суть колдовские заклинания, которые во множестве печатаются теперь всякими ведьмами и колдунами, и какое ужасное наказание полагается за это по нашим уставам – даже и вообразить не могу.

– А по вашим?

– Вы отлучили себя от Христа. Не причащаетесь. Вернуться можно лишь через покаяние.

На том и расстались.

Меня по-прежнему не приглашали в тот угол ни крестить, ни отпевать, но в храм стало приходиться все больше и больше народу. «Старинные» чувствовали, что в своем самосвятстве они забрели невесть куда, и старательно выкарабкивались с помощью исповеди и соборной, вместе с нами, молитвы на богослужениях.

Однажды явился и сам «старшой» – гладко выбритый, не покрестянский холеный мужик лет шестидесяти. Во время службы с лица его не сходила кривая ухмылка, а потом он подошел ко мне и громко спросил: видел ли я, что он крестится двумя перстами? Я помолчал, раздумывая, что еще может последовать за этим бессмысленным вопросом, а он победным взором обвел прихожан, собравшихся вокруг нас.

– Ты, – говорю, – почему без бороды?

Он растерялся:

– При чем тут это?

– А при том, что тебя ни в один старообрядческий храм не пустят. Да и крестишься ты, хоть и двумя перстами, да когда ни попадя. Так что, отец, тебе до старого обряда – как до луны. А уж за те сатанинские заклинания, которые ты понахватал из безбожных газет и которые навязываешь теперь своим подопечным, собратья твои, которые узнают, могут тебя и анафеме предать – за ними не задержится, они ребята суровые.

– Не из газет, а из радио, – возразил он. – Там передача такая есть – про старину древлеправославную, женщина одна рассказывает – у бабки своей научилась...

– Да знаю я эту передачу: старина там не древлеправославная, а доправославная, и женщину эту по Москве знаю...

– И что?

– А то, что ведьма она. Цивильная такая, городская, не на помеле, а на «Мерседесе», но – ведьма. И бабка ее была ведьмой, самой что ни на есть натуральной, знаменитой на всю тутошную губернию...

– Все равно, – говорит, – истина у нас. И книги правильные – тоже у нас...

И сильно заинтересовали меня эти древние книги. А он: не просвещенному, мол, давать их нельзя. Но тут прихожане, с нетерпением ожидавшие исхода противоборства, дружно набросились на него: показывай, дескать, книги! Направились мы к его дому, остановились на крыльце: мне, как «непросвещенному», входить в дом «просвещенного» было нельзя. И выносит он книжицу: замусоленную такую, карманного, как теперь говорят, формата, в кожаном переплете. Мне, сказать правду, стало ясно: это либо Требник, либо Служебник – одна из двух главных служебных книг любого священника, столетиями уже переиздающихся почти без изменений. Протягиваю руку, а он говорит, что недостойн я касаться святыни, в которой главная древлеправославная тайна. Тут народ совсем осерчал и потребовал передать мне святыню с главной тайной. Перед столь смелым натиском старшой не устоял. Раскрываю: так и есть – Требник. Полистал я странички и почувствовал трепетное тепло к неведомому собрату и сослужителю.

Вот чин крещения: после погружения в купель следует листочек, покоробившийся от воды, – тут всегда руки мокрые, а там, где написано: «Печать дара Духа Святаго» и совершалось миропомазание, – тонкий запах благовонного мира. В конце водосвятного молебна – тоже покоробленные листочки, и всюду – пахнущие медом клыксы свечного воска...

Раскрываю последнюю страничку и даю старшому:

– Читай.

– Не имею, – говорит, – прав открывать секретную тайну.

– Стало быть, по-церковнославянски ты не понимаешь?

А он заладил: тайна да тайна.

– Что ж, – говорю, – слушай: «Во славу Святыя, Единосушныя, Животворящия и Неразделимыя Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа...»

– Вот она и есть – главная тайна, – самодовольно перебил он.

– Если насчет единосущности Троицы, то это действительно величайшая тайна, ты прав. Но слушай дальше: «Повелением благочестивейшаго самодержавнейшаго великаго государя нашего Императора Александра Павловича, всея России; при супруге его благочестивейшей государыне Императрице Елисавете Алексеевне...» Продолжать?

Потрясенный услышанным, он молчал. Народ тоже молчал в растерянности.

Продолжение следует

Отметим

Авва Пимен, авва Анув и прочие братья их (всего пятеро сыновей одной матери), приняли монашество в скиту. На эту пустыню однажды напало варварское племя и разорило хижины монахов, умертвив при этом многих из отцов. Пимен и его братья спаслись бегством. Они пришли в место, называемое Ференуф, и все семь остановились там на время в опустевшем идольском храме с намерением обсудить избрание места для постоянного жительства.

При этом авва Анув сказал авве Пимену: «Сделай милость, ты и братья, исполните мою просьбу – в течение этой недели будем жить каждый отдельно в молчании, не сходясь для беседы». Авва Пимен отвечал: «Сделаем по желанию твоему». Они так и поступили.

В храме стояла каменная статуя. Анув, вставая ежедневно рано утром, бросал камнями в лицо статуи, а вечером подходил к ней и просил прощения. Так делал он в течение всей недели. В субботу братья сошлись вместе. Авва Пимен спросил авву Анува: «Видел я, авва, что ты в течение этой недели бросал камни в лицо статуи, а потом поклонялся ей и просил у нее прощения. Но верующий во Христа не должен кланяться идолам!» Старец отвечал: «Сделал я это для вас. Когда, как вы видели, я бросал камнями в лицо статуи, произнесла ли она хотя бы что-то? Разве рассердилась она?» Авва Пимен отвечал: «Нет». – «Опять, когда я просил у нее прощения, смутилась ли она? Сказала ли: «Не прощаю?»» Авва Пимен отвечал: «Нет». Авва Анув сказал на это: «Так и мы, семь братьев, если желаем проводить житье вместе, будем подобны этой статуе, которая от оскорблений, нанесенных ей, не возмущается гневом, а при смирении, оказываемом пред нею, не тщеславится и не становится надменной. Если же вы не хотите вести себя таким образом, вот четверо врат у этого храма: пусть каждый идет, куда хочет, и выбирает себе место для жительства, какое хочет».

Братья пали ниц пред аввою Анувом, дали обещание поступать по его совету и пребывать вместе в великом смирении и терпении многие годы с одною лишь целью – стремления к христианскому совершенству.

Православный календарь

10 янв., вс. – Неделя 32-я по Пятидесятнице, по Рождестве Христовом. Прав. Иосифа Обручника, Давида царя и Иакова, брата Господня. Мучеников 20000, в Никомидии в церкви сожженных, и прочих, тамо же вне церкви пострадавших (302).

11 янв., пн. – Мучеников 14000 младенцев, от Ирода в Вифлееме избивенных (I). Прп. Маркелла, игумена обители «Неусыпающих» (485). Прп. Фаддея исп (818). Прпп. Марка гробкопателя, Феофила и Иоанна Печерских (XI-XII). Прп. Лаврентия Черниговского (1950).

12 янв., вт. – Мц. Анисии (285-305). Сщмч. Зотика пресвитера, сиропитателя (IV). Свт. Макария, митр. Московского (1563). Ап. от 70-ти Тимона (I). Мч. Филетера Никомидийского (311). Прп. Феодоры Кесарийской (VIII). Прп. Феодоры Константинопольской (X).

13 янв., ср. – Отдание праздника Рождества Христова. Прп. Мелании Римляныни (439). Свт. Петра Могилы, митрополита Киевского (1646). Свт. Досифея, митр. Загребского, исп. (1945).

14 янв., чт. – Обрезание Господне. Свт. Василия Великого, архиеп. Кесарии Каппадокийской (379). Мч. Василия Анкирского (ок. 362). Св. Емилии, матери свт. Василия Великого (IV).

15 янв., пт. – Предпразднство Богоявления. Свт. Сильвестра, Папы Римского (335). Прав. Иулиании Лазаревской, Муромской (1604). Преставление (1833), второе обретение (1991) мощей прп. Серафима, Саровского чудотворца. Прп. Сильвестра Печерского (XII).

16 янв., сб. – Предпразднство Богоявления. Прор. Малахии (ок. 400 г. до Р.Х.). Мч. Гордия (IV). Сщмч. Василия пресвитера (1938).

Еженедельное издание церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь. Набор и верстка – на оборудовании редакции. Отпечатано в Главном редактор – настоятель храма архимандрит Василий (Карпов). Наш адрес: полиграфическом предприятии ООО «Теслайн» по адресу: г. Тирасполь, ул. Кутузова, 201. Тел.: (533) 2-46-97. Сайт: <http://pokrovka-tiras.narod.ru/> г. Тирасполь, ул. Ленина, 7. Объем – 1 печатный лист. Тираж – 200 экз.

Уважаемые читатели! Просим вас не использовать газету в бытовых и хозяйственных нуждах! Да благословит вас Господь!